

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк десятый

1916 ГОД

Положение на фронте

В начале 1916 года положение на фронте стабилизировалось. К этому времени промышленность России уже производила вполне достаточное для продолжения войны количество вооружения и боеприпасов. Русская армия готовилась к решительному наступлению на врага. Антанта планировала начать общее наступление своих войск в мае 1916 года.

Уже в январе-феврале русские войска Кавказского фронта провели успешную наступательную операцию, в ходе которой в Эрзурумском сражении наголову разбили Турецкую армию и овладели городами Эрзурум, Трапезунд, Эрзинджан и Муш.

Германия в 1916 году решила обратить основное внимание на Запад и добиться поражения Франции. 21 февраля началось сражение под Верденом. По численности германские войска превосходили французские более чем в 5 раз. Сражение началось массовой артиллерийской подготовкой в течение 8 часов. Впервые в истории войн в этом сражении широко применялись лёгкие пулемёты, огнеёты, ружейные гранатомёты и химические снаряды. Немыслимым ранее было и техническое оснащение войск. Так, Французская армия для перевозки войск к Вердену использовала 6 тысяч автомобилей! Были и другие военные нововведения. Эта битва, проходившая на небольшом отрезке фронта, продолжалась до 18 декабря 1916 года. Французы и англичане потеряли 750 тысяч человек, немцы – 450 тысяч.

В самый трудный период боёв под Верденом Русская армия по просьбе французского командования пришла на помощь союзническим войскам и в марте 1916 года начала Наровичскую наступательную операцию на Западном фронте. Следует сказать, что Российская империя ВСЕГДА выполняла свои союзнические обязательства и приходила на помощь союзникам, иногда, даже не успев закончить необходимые приготовления. Так произошло и в этот раз. Хотя двухнедельные попытки прорвать оборону германских войск не увенчались особым успехом, но немцам пришлось на это время фактически прекратить наступление под Верденом и бросить против русских войск дополнительные силы.

А в июне-июле Россия пришла на помощь Италии, начав на Западном фронте Барановичскую операцию в Белоруссии. Почти одновременно, 4 июня, на Юго-Западном фронте началась операция Русской армии, названная Брусиловским прорывом по имени командующего фронтом А.А. Брусилова. Если Барановичское сражение заметных успехов не принесло, то Юго-Западный фронт нанёс сокрушительное поражение германским и австро-венгерским войскам в Галиции и на Буковине. Потери Германской армии превышали 1,5 миллиона человек!

В конце июня на французском театре военных действий началась битва на реке Сомме. За четыре с половиной месяца боёв, в ходе которых впервые были применены танки, потери с обеих сторон составили более 1 миллиона человек.

К концу 1916 года потери воюющих сторон составили 6 миллионов убитых и около 10 миллионов раненых. Германская армия вела теперь только оборонительные бои. В ноябре-декабре Германия и её союзники предложили мир, но Антанта это предложение отклонила.

1917 год мог бы стать годом победы Антанты над Германией. Однако Февральская и Октябрьская революции 1917 года в России, а также события в других частях света, не дали тогда этому свершиться. Великая война закончится поражением Германии лишь в 1918 году.

.....
Надо рассказать ещё об одной особенности войны 1914 – 1918 года: применении боевых отравляющих веществ. Русская армия понесла тогда от химического оружия самые крупные потери среди участников войны. Как пишет в Интернете Александр Самсонов:

«Германская армия первой применила отравляющие газы как оружие массового поражения в крупных масштабах в период Первой мировой войны против России. 6 августа 1915 года немецкое командование применило ОВ для уничтожения гарнизона крепости Осовец. Немцы развернули 30 газовых батарей, несколько тысяч баллонов и 6 августа в 4 утра на русские укрепления потёк тёмно-зелёный туман смеси хлора с бромом, достигший позиций за 5 – 10 минут. Газовая волна 12 – 15 метров в высоту и шириной до 8 км проникла на глубину до 20 км. Никаких средств защиты у защитников русской крепости не было. Всё живое было отравлено.

Вслед за газовой волной и огневым валом (германская артиллерия открыла массированный огонь) в наступление двинулись 14 батальонов ландвера (около 7 тысяч пехотинцев). На передовых русских позициях после газовой атаки и артиллерийского удара осталось не более роты полуживых солдат, отравленных ОВ. Казалось, что Осовец уже в немецких руках. Однако русские воины явили ещё одно чудо. Когда немецкие цепи приблизились к траншеям, их атаковала русская пехота. Это была настоящая «атака мертвецов», зрелище было ужасным: русские солдаты шли в штыковую с лицами, обмотанными тряпками, сотрясаясь от страшного кашля, буквально выплёвывая куски лёгких на окровавленное обмундирование. Это было всего несколько десятков бойцов – остатки 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка. Немецкая пехота впала в такой ужас, что не выдержала удара и побежала. По бегущему неприятелю открыли огонь русские батареи, которые, как казалось, уже погибли. Надо отметить, что оборона крепости Осовец – это одна из ярчайших, героических страниц Первой мировой войны. Крепость, несмотря на жестокий обстрел из тяжёлых орудий и штурмы немецкой пехоты, держалась с сентября 1914 года по 22 августа 1915 года».

Интересно, что самое подробное описание применения химического оружия в Первой мировой войне сделал гатчинец, Николай Александрович Де Лазари (1880 – 1942), который в чине штабс-ротмистра в 1909 – 1914 годах

служил старшим воспитателем Гатчинского Сиротского института. В 1935 году в Москве вышла книга Де Лазари «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914 – 1918 годов». О Де Лазари я ещё напишу в очерках о гатчинцах – героях Великой войны.

Гатчинский Кирасирский полк в боях 1916 года

Благодаря изданной в 1927 году в Берлине книге полковника Александра Александровича Баумгартена и штабс-ротмистра Алексея Алексеевича Литвинова «Памятка кирасир Ея Величества за время Гражданской войны 1917 – 1920 годов», стало известно о боевом пути Кирасирского полка в годы войны. А в Интернете выложены фотографии 1916 года с изображениями воинов Кирасирского полка. Из книги:

1916 год

Январь		Стоянка полка в с. Ружично.
	3	Разворачивание полка в шестиэскадронный состав. Назначение командиром полка генерал-майора Свечина
Февраль		Стоянка в Ружично.
Март	23 – 28	Переброска по железной дороге в район гор. Люцына. Дивизия вошла в состав Гвардейского Корпуса (Генерал-Адъютант Безобразов).
Апрель		В резерве в районе гор. Люцына (Штаб полка фольварк Звирздино).
Май		

Полковой праздникъ 9 Мая 1916 г. Сидятъ слѣва: кн. Эристовъ, к-ръ бриг. Дабичъ, Араповъ, командующій гвардіей Безобразовъ, к-ръ полка Свѣчинъ, к-ръ гвард. кавал. кор. Ханъ-Нахичеванскій, нач. 1 гв. кав. див. Скоропадскій и Арсеньевъ.

	11 – 14	Переход походным порядком через Освея – Свольна.
	14 – 30	Стоянка в районе Свольна.
30 мая – 2 июня		Переход через Диска Плиса в район м. Глубокое. В резерве в районе м. Глубокое (дер. Шарабаи – Кваги).
Июль	9 – 23	Переброска полка в составе Войск Гвардии в район города Луцка. Выгрузка на станции Клевань и движение походным порядком через город Луцк в район м. Рожище и далее к реке Стоход в район колонии Фридриховки и переход в район дер. Люкча.
	24 – 31	Окопы на реке Стоход к востоку от шоссе Ковель – Луцк (против сёл Малый и Большой Порск).
Август	1	Ночной переход в колонию Юзефин.
	7 – 27	Окопы на участке Райместо – дорога у дер. Бабье. Коноводы в лесу западнее дер. Кроватки. Налёты германских аэропланов (до 26 аппаратов одновременно). Стоянка в дер. Своз в резерве (16 – 21).

Полкъ въ резервъ въ д. Свотъ, 20.VIII.1916 года.

	28 – 31	Переход походным порядком в м. Олыка. В глубоком резерве у м. Олыка.
Сентябрь		
Октябрь	4 – 24	Переход через гор. Луцк, Губин, Гаенку, Губенск, Будки и занятие окопов у Пустомысты.
	26 – 27	Переход и возвращение в м. Олыка.

Ноябрь	4	Переход в новый отведённый полку район станц. Клевань (штаб полка дер. Шпаково).
15 – 1 декабря		Окопы на участке Райместо – дер. Бабье. Коноводы остаются в районе ст. Клевань (Спешенные люди грузятся на ст. Клевань и перевозятся до ст. Рожища, откуда до окопов походным порядком в пешем строю).
Декабрь	3 – 31	В глубоком резерве у станции Клевань.

Погибшие герои

Как и в предыдущие годы, в 1916 году на полях сражений тоже гибли гатчинцы. Их было много: солдат, офицеров, генералов, моряков, офицеров флота, лётчиков. Мне удалось отыскать имена некоторых погибших офицеров. В основном это были офицеры Кирасирского полка. А вот имена почти всех простых солдат и матросов, к сожалению, остались неизвестными. Вечная им всем память!

В 1916 году на войне погибли два гатчинских офицера, судьба которых была связана с лейб-гвардии Кирасирским Ея Величества полком.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ СОВАЖ
(1875 – 1916)

Представитель гатчинской семьи Соваж, о которой написано в моей книге «Николаевская улица». Младший сын Ивана Алексеевича и Елизаветы Ивановны Соваж. В Гатчине Сергей жил на улице Николаевской, в доме № 22, в 1895 – 1906 годах. Позднее проживал вместе с женой и детьми в Петербурге.

Окончил Александровский (Царскосельский) лицей. Однако чиновником не стал, а выбрал военную службу. Ещё в 1894 году Сергей издал в Петербурге свою книгу «Российская Императорская армия». А 22 мая 1895 года вступил вольноопределяющимся в Кирасирский полк в Гатчине. Ещё через год – выдержал офицерский экзамен в Николаевском кавалерийском училище и был произведён в корнеты. Далее Сергей Соваж окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Полк в Гатчине пришлось оставить и из кавалерии уйти. В 1902 – 1904 годах штабс-ротмистр Соваж командовал ротой в лейб-гвардии Егерском полку.

Следующие восемь лет Сергей Соваж провёл в стенах Главного штаба, пройдя за это время путь от обер-офицера для поручений до адъютанта штаба войск Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В декабре 1911 Соваж получил чин полковника.

С началом Германской войны, Соваж прошёл курс обучения на лётчика-наблюдателя. Но лётчиком не стал. Обстоятельства временно заставили его принять командование над 145-м пехотным Новочеркасским полком. В конце 1914 года Соваж стал начальником штаба 37-й пехотной дивизии, но продолжал числиться в полку. Именно с действиями Новочеркасского полка было связано награждение Соважа высшими воинскими отличиями: Георгиевским оружием и орденом св. Георгия 4 степени. В приказе о награждении записано:

«За то, что в боях 25-го, 26-го и 27-го мая 1915 года в районе деревень Луковец и Новоселица, командуя боевым участком, блестящими действиями своего полка обеспечивал расположение всего отряда. Вечером 25-го мая, будучи обойдён противником с обоих флангов, находясь всё время под огнём, лично с полным мужеством повёл последний батальон своего полка в атаку, остановил наступление противника и утвердился на позиции. 26-го – 27-го мая вновь перешёл в наступление, чем содействовал полному поражению противника».

22 августа 1915 года Соваж был назначен командиром лейб-гвардии Семёновского полка, а в начале 1916 года был произведён в генерал-майоры. Дальнейшей карьере Соважа помешала нелепая, трагическая случайность.

О Сергее Соваже написал его однополчанин по Семёновскому полку Ю. В. Макаров в книге воспоминаний «Моя служба в старой гвардии». Книга издана в Буэнос-Айресе в 1951 году. Цитирую:

«После Г. И. Лескинена в командование нашим полком вступил генерал-майор Сергей Иванович Соваж. Карьера его была такая: в девяностых годах он кончил Александровский (Пушкинский) лицей, выдержал офицерский экзамен и поступил корнетом в «Кирасиры Её Величества» (синие). Потом Академия Генерального штаба и Японская война. Затем какая-то штабная должность при штабе войск Петербургского Военного Округа. Помню в этом качестве, в форме подполковника Генерального штаба, он приезжал раз в наше собрание, сопровождая какую-то депутацию иностранных офицеров, кажется французов. Соваж прекрасно знал три иностранных языка и им постоянно пользовались для такого рода поручений. Стоя около нашего высокого закусочного стола и наливая водку французским капитанам, мог ли он думать, что в следующий раз в это собрание он войдёт нашим командиром, но войдёт лишь один раз.

Что делал С. И. на германской войне, мне в точности неизвестно. Знаю только, что с самого начала войны он пошёл в строй, работал лётчиком-наблюдателем, а затем с большим блеском командовал одним из знаменитых армейских полков, не то Апшеронским, не то Лейб-Бородинским. Свои связи с кавалерией он порвал ещё в Академии, решив идти по пехоте. ..

В середине октября, наш добрейший и тишайший, но совершенно не строевой и не боевой, командир батальона Н-ов, который в довершение своих военных недостатков ещё панически боялся начальства, созывает нас, четырёх ротных командиров и 5-го начальника команды и с взволнованным видом сообщает нам, что «к нам едет ревизор». Новый командир полка генерал Соваж, который вчера приехал с фронта на три дня повидаться с женой и с утра произведёт смотр Запасному Батальону.

– Не беспокойтесь, Павел Иванович, — говорим ему — всё будет хорошо... Люди у нас здоровые... едят так, как не ели и в мирное время... одеты тоже прилично, а если в казармах, которые рассчитаны на две тысячи, помещается восемь, то тут идеального порядка и чистоты всё равно добиться нельзя. Соваж умный человек и сам это увидит...

Успокоив «Павлю», мы все разошлись по своим помещениям готовиться к завтрашнему смотру. В 10 часов утра вся моя Команда была построена в этажах. Я и все мои офицеры стояли на правом фланге 1-ой роты, в нижнем этаже. Состав у нас тогда был ещё очень хороший. Люди отдохнувшие, отъевшиеся и от войны ещё не усталые. Вся первая шеренга или Георгиевские кавалеры, или медалисты. У многих кресты двух степеней. Очень много нашивочных. Представлять такую команду новому командиру было одно удовольствие.

Не в пример старым порядкам, когда высокого начальства зачастую приходилось ждать по часу и больше, ровно в 10 часов и 10 минут дневальный у входной двери подал условный знак. Затем слышим громкое и веселое: «Здравия желаю, Ваше Притство!» Отворяется дверь и на фоне почтительно дающих дорогу рыхлого Н-ва и адъютанта с университетским значком, показывается новый командир. Совершенно так же, как генерал, представлявший свой полк Кутузову в Браунау, «голосом радостным для себя, строгим по отношению к подчиненным и приветливым в отношении к подходящему начальнику», кричу: «Команда сми-рно, равнение направо, г-да офицеры!»

Пока ем генерала глазами, успеваю осмотреть его с головы до ног. Молодой человек лет сорока. Роста определённо маленького. Плотный блондин с голубыми глазами и с небольшими растрёпанными усами. На боку Георгиевское «золотое оружие», а на груди колодка орденов, внушающая уважение: белый Георгий, малиновый «Владимир с мечами», и там дальше всё, что полагается, Анна, Станислав и две, три медали, одна из них за Японскую войну. На шее белый крест, похожий на нашего Георгия, но другой формы. При ближайшем рассмотрении оказалось: английский крест Михаила и Георгия, тоже за военные заслуги.

Поздоровавшись за руку с офицерами, Соваж вышел на середину и металлическим баритоном бодро крикнул: «Здравствуйте молодцы, запасные Семёновцы!»

– Здравия желаем, Ваше Приитство!

Духовный контакт между людьми, даже почти без слов, может установиться мгновенно. Достаточно было Соважу поздороваться и произнести несколько слов, как у нас, да думаю и у всех чинов, открылся какой-то невидимый, тайный приёмник. Все сразу так и почувствовали, вот это командир, это начальник, вот с этим не пропадёшь, вот это то, что нам нужно.

Соваж скомандовал: «Стоять вольно» и стал обходить. То, что на правом фланге на старых гвардейцев ему приходилось задирать голову, его несколько не смущало. Думаю, смутить его вообще было дело трудное. Хоть и без малейшего оттенка наглости, он был мужчина самоуверенный.

Во время обхода, который он производил медленно, со всеми Георгиевскими кавалерами и с нашивочными он успел сказать несколько слов. И сразу было видно, что это он не номер отбывает, а искренно хочет установить связь с людьми, которых скоро ему придётся вести в бои. И что ещё больше, что ему такие разговоры не в тягость, а в удовольствие. И тут я полюбовался, как некоторые люди умели разговаривать с подчинёнными. Никакого напускного фамильярничанья и никаких Суворовских «кукуреку». Многие играли и под Суворова, но мало у кого это хорошо выходило. А тут, подойдёт и спросит, а тот, кого спрашивают, безукоризненно стоя на вытяжку, с блестящими глазами, начинает рассказывать и не может остановиться. Разговоры шли главным образом о перенесённых боях. О всех боях, где полк участвовал, Соваж уже знал в подробностях. Обход и разговоры продолжались около часу.

После обхода всем офицерам и начальствующим лицам Соваж велел уйти и начал «опрос претензий». Претензий не оказалось. Опять все стали на свои места. Я скомандовал: «Смирно!» и Соваж начал говорить:

– Вы знаете, – говорил он, – что в июльских и августовских боях, когда мы сдерживали немецкое наступление, наш полк очень пострадал. Полку нужны пополнения. Но других пополнений, чем из своих, мы по возможности брать не будем. Помните, вы наш резерв. Этим летом нам не хватало артиллерии. Теперь уже много месяцев, как вся наша великая страна работает на армию и к весне у нас будет всё. Этой весной начнем наступление и союзники, и мы и тогда немцам будет крышка. В прошлом году австрийцев мы уже начисто разбили. Если бы не немецкая помощь, они тогда ещё просили бы мира. Теперь очередь за немцами. Коли хорошенько постараемся, поколотим и их. Этим летом будет окончательный перелом и в следующем 16-ом году войну мы кончим! Не так ли, братцы?...

Раздался гул голосов: – Так точно, Ваше Приитство... Надо кончать.

– Через три дня, – снова начал Соваж, – я возвращаюсь в полк. Если у кого есть письма, сдавайте их в батальонную канцелярию, я отвезу... И прощайте, братцы... Или лучше, до свидания, в родном полку! Помните, ваши товарищи вас ждут!

Раздалось громкое: – Счастливо оставаться, Ваше Приитство! – И, несмотря на бессмысленность слов, чувства были правильные.

Помещение Соваж осмотрел мельком. Главное внимание он обращал на людей. Покончив с чинами, он обратился к нам, офицерам, и сказал: «Я, господа, вижу, что размещены вы здесь неважно. Очень тесно... Это, конечно, не казарма мирного времени. Но это не самое главное. Главное, чтобы люди были здоровы. И не давайте им скучать. Производите занятия, читайте им, рассказывайте. Делайте так, чтобы они всё время были заняты. Кое-чему можно учиться и на улицах. В общем, духом и видом людей я доволен. И это, конечно, ваша заслуга. От имени полка благодарю вас. И до свидания в полку...». И крепко пожал нам всем руки.

Уже не помню сейчас, был ли завтрак в собрании. Если и был, то без вина и самый будничнейший. Отнюдь непохожий на бывшие командирские приёмы.

Соваж провёл в Запасном батальоне три дня. Бедная его жена и дети видели его мало. И видели его в последний раз.

Соваж вернулся в полк, когда он стоял под Сморгонью. После Сморгони нас убрали в резерв, к северу от Молодечно, где мы простояли до декабря. В конце декабря полк перебросили в состав армии юго-западного фронта, в

район В. Галиции. Там мы опять стояли в резерве, до февраля 16-го года. Потом нас перевезли на Северный фронт, к северу от Двинска. Там мы стояли в резерве до весны. После этого в первых числах мая, походным порядком нас снова двинули на Молодечно.

За исключением последнего майского перехода, все эти семь месяцев, от октября до мая, мы или ездили по железным дорогам, или стояли по квартирам, главным образом по деревням. Из всех этих семи месяцев, Соваж не потерял, можно сказать, ни одного дня. Куда-нибудь приезжали, день размещались, на следующий день начинались занятия. Уже в ноябре месяце Запасный батальон стал посылать в полк маршевые роты и к марту состав был доведён до положенного числа 4.000 человек. Сразу же по приезде Соваж сформировал Учебную команду и поручил её молодому и толковому офицеру Лобачевскому, внуку или правнуку знаменитого математика. В ротах начались курсы стрельбы, причём особенное внимание было обращено на тонкую стрельбу, будущие «снайперы», хотя оптических прицелов нам тогда ещё не давали. Все пулемётчики прошли курс пулемётной стрельбы. Обращаться с пулемётом должны были уметь все офицеры и все унтер-офицеры. Для практики Соваж умудрился достать для полка несколько сот ручных гранат. Где только можно, он устраивал двухсторонние маневры с длинными и довольно утомительными переходами. Учились наступать скрыто, «змейками». По несколько раз в неделю Соваж устраивал офицерские занятия, тактические и топографические. Всех офицеров он посадил на лошадей и даже иногда самолично «гонял смену». Самыми трудными и самыми интересными офицерскими занятиями были съёмки верхом. Каждый получал задачу на участке по фронту до 5, а в глубину до 10 верст. Требовалось уметь «поднять», т. е. пополнить карту, иначе говоря из обыкновенной «двухверстки» сделать «четырёхвёрстку». Такие задачи в мирное время давались второкурсникам Военной Академии.

Несмотря на большую работу, которой он нагружал солдат и офицеров, сколько приходилось слышать, никто на Соважа не ворчал. Людям свойственно ворчать на монотонную, скучную, нудную работу. Соваж же молодой, живой человек и большой психолог, какую угодно работу умел делать занимательной и интересной. Скучать он не давал.

С солдатами он говорил постоянно, а когда разносил, употреблял особый тон, нарочито грубовато-ласковый, никогда по-настоящему не сердясь и скверных слов, отнюдь, не употреблял. Главным образом попадало начальствующим лицам, взводным и ниже, за несообразительность, шляпство и растяпство. Ругательный лексикон его был богатый и своеобразный: «чудовище морское», «дракон китайский», и, наконец, самое любимое «кашалот египетский», что уже не имело никакого лексического смысла, но цели своей отлично достигало, будя уснувшие мозги. Разнесённый таким образом начальствующий чин не знал, что ему собственно делать, обижаться или смеяться, но тут же решал, что командир его «мал да удал» и что с ним следует держать ухо востро.

С офицерами Соваж обращался как старший товарищ, каким он и был, но без всякой фамильярности. Почти всё время его командования полк располагался по квартирам и почти всегда по-батальонно. И очень часто вечером, после занятий, Соваж отправлялся в гости, то в один, то в другой батальон. Там ему давали чай, а если поблизости было Экономическое общество и можно было достать красного вина, варили «глюнтвейн». «Короткие напитки», т. е. водку и коньяк, Соваж тоже, разумеется, признавал, но потребление их не поощрял. Во время таких визитов в батальоны, он держал себя совершенно по-товарищески. Те из офицеров, которые умудрились сохраниться с начала похода – таких было уже немного – вспоминая Эттеровские времена, радовались, какого мы себе, наконец, заполучили

командира. И действительно, перебери всю Российскую армию, трудно было найти лучше, а главное более к нам подходящего. Думали так, коли не убьют его летом, то под его командой будем мы драться хорошо, удачно и умно. Храбрых командиров было не занимать стать. Умных и знающих было мало.

И вот 8-го мая 1916 года, на лёгком 20-ти верстном переходе, по пути к Молодечно, произошёл случай трагичный и совершенно нелепый. Соваж держал двух верховых лошадей. Одна была молодая красавица, рыжая кровная кобыла, с тоненькими сухими ножками. Она была слишком резва и для похода не годилась. На ней Соваж ездил только для удовольствия. Для похода же была у него другая лошадь. Тоже красивый, но уже старый караковый конь, с мирной, плавной рысью и с широким спокойным шагом. Был у него только один недостаток. Был слаб на передние ноги. Звали его «Боярин».

Утром 8-го мая, перед выступлением, Соваж сел на Боярина, пропустил мимо себя полк, потом рысью обогнал его, встал в голову и в самом приятном расположении духа, под ещё нежаркими лучами весеннего солнца, и под пение жаворонков, с полковым адъютантом и с двумя ординарцами, двинулся вперёд по шоссе. Переход был небольшой и люди шли весело. Как всегда по шоссе шли в ногу и как всегда, то в одной, то в другой роте распевали песни.

На походе раза два Соваж останавливался и пропускал мимо себя полк и, конечно, любовался им. Это был плод его неустанной семимесячной работы. Ни до, ни после в таком, поистине, блестящем состоянии полк не был. Потому что никогда, ни раньше, ни после, в боевой обстановке, мы так долго и так умно не учились. На привалах Соваж был оживлён и весел, говорил и шутил с солдатами и с офицерами. Наконец, часа в 4 стали подходить к деревне, где была назначена ночёвка.

Последний раз, ловко, по-кавалерийски, сидя на грузном Боярине, Соваж пропустил мимо себя полк и каждую роту поблагодарил за молодецкий вид. Последними прошли обозные, лихо вытянув руки с вожжами вперёд и молодецки задрав голову на начальство. И обозные получили ласковое слово.

В это время к Соважу подскочил ординарец и доложил ему, что ему готова изба и что командирские денщики всё ему приготовили для ночлега и даже достали и поставили самовар.

Соваж снял фуражку, отёр потный лоб, круто повернул тяжёлого Боярина и с места поднял его в галоп. Деревня стояла тут же на пригорке, немножко в стороне от шоссе, но Соваж устал много часов подряд ехать шагом, ему было жарко и хотелось пить. Он поскакал. И тут случилось то, после чего долго не могли придти в себя и те, кто это видел, и те, кто не видел. На войне смерть вещь обыкновенная и ею никого не удивишь. Но так, как умер Соваж, не умирал, наверное, ни один из многих миллионов воинов, которые четыре года дрались на всех многочисленных фронтах. Грузный Боярин шёл полным махом и на всем ходу споткнулся о широкий плоский камень в земле и упал на передние ноги. Будь Соваж плохим ездоком, он вылетел бы из седла и в худшем случае набил бы себе шишку. На его несчастье, он был отличный ездок. Он прирос к седлу и остался сидеть. От силы хода лошадь перекинулась кувырком и крупом разможила ему голову. Всё это случилось в одно мгновение и на глазах у половины полка. Со всех сторон к нему бросились люди. Прибежали наши доктора. Соважа подняли и внесли в ближайшую избу. Не приходя в себя, через полчаса он скончался. А через час о. Александр служил по нём панихиду. И когда поминали «новопреставленного воина Сергия», то с сухими глазами не было в полку ни одного человека».

Соваж был погребён в Петрограде в Введенском соборе лейб-гвардии Семёновского полка. Прекрасное здание Собора, самая крупная работа К. Тона в северной столице, снесён советской властью в 1933 году. В 2003 году на этом месте установлен памятный знак.

Введенский собор

Жена Сергея, Вера Георгиевна (1880 – после 1920), происходила из семьи Сазоновых. У супругов было две дочери: Мария Сергеевна (1902 – 1947), в замужестве Воропаева; Евлалия Сергеевна (1903 – 1971), в замужестве Дмитриева.

19 ноября 1916 года при артиллерийском обстреле окопов у Райместо (на Стоходе) погиб офицер Гатчинского Кирасирского полка, поручик Николай Александрович фон Баумгартен (2-й).

(продолжение будет)

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ